

M.E. Zharkoy, S.M. Oganesyanyan, T.O. Boziev
**PENITENTIARY SYSTEM DEVELOPMENT AND CRIMINAL
LIABILITY STREAMLINING IN THE SOVIET PUNITIVE POLICY
IN THE 1920S – EARLY 1930S**

Mikhail Zharkoy – Senior Lecturer, the Department of Theory of State and Law, Faculty of Forensic Expertise and Law in Construction and Transport, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: jarckoy@yandex.ru.**

Stepan Oganesyanyan – Professor, the Department of State Law Discipline, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru.**

Taulan Boziev – Head of the Criminal Law Disciplines Department, PhD in Law, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: boziev1975@yandex.ru.**

The article deals with the basic lines of reforming the whole detention facilities system and corrective labor legislation of the Russian Soviet Socialist Republic (RSFSR) during the 1920s – early 1930s. An in-depth analysis is being conducted with regard to particular determinants of criminological characteristics of crime, including the dynamics of counter-revolutionary and property crimes, as well as specifics of distinguishing convicted persons as per periods of their detention and the severity of punishment. The authors draw attention to the fact that these factors of criminalization of social behavior mediated novelties of criminal and corrective labor legislation. The authors provide sound evidence of the legitimacy of centralizing detention centers management system, adopting the optimal model of its development and creating conditions for further implementation of the provisions of classical provisions of criminal and corrective labor legislation. In conclusion, the authors make a reasonable conclusion about the regularity of centralization of management of the system of places of deprivation of liberty, the adoption of the optimal model of its development and the preparation of conditions for the further implementation of classical criminal law provisions of the Soviet legislation.

Keywords: punitive policy; penitentiary policy; criminal penalty; socialist legitimacy; criminal legislation; criminal sentences execution system; detention centers; convicted persons; detention; enforced labor; deprivation of liberty; forced upbringing; social protection measure; isolation; criminological characteristics of crime.

М.Э. Жаркой, С.М. Оганесян, Т.О. Бозиев
**ПРОБЛЕМЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ
В КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИТИКЕ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

Михаил Эмильевич Жаркой – доцент кафедры теории государства и права факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат исторических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: jarckoy@yandex.ru.**

Степан Мхитарович Оганесян – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru.**

Таулан Османович Бозиев – зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент; г. Гатчина; **e-mail: boziev1975@yandex.ru.**

В работе рассматриваются основные направления реформирования системы мест заключения и исправительно-трудового законодательства РСФСР в 1920-е – начале 1930-х гг. Подробному анализу подвергаются отдельные детерминанты криминологической характеристики преступности, в т.ч. динамика контрреволюционных и имущественных преступлений, а также характеристика распределения осужденных по срокам лишения свободы и тяжести наказаний. Авторами обращается внимание на то, что указанные факторы криминализации социального поведения опосредовали новеллы уголовного и исправительно-трудового законодательства. В заключении делается обоснованный вывод о закономерности централизации управления системой мест лишения свободы, принятии оптимальной модели ее развития и подготовки условий для последующей реализации положений классической школы уголовного права в советском законодательстве.

Ключевые слова: карательная политика; пенитенциарная политика; уголовная репрессия; социалистическая законность; уголовное законодательство; система исполнения уголовных наказаний; места заключения; исправительно-трудовые учреждения; осужденные; заключенные; лишение свободы; принудительные работы; содержание под стражей; принудительное воспитание; мера социальной защиты; изоляция; криминологическая характеристика преступности.

Вопросы реализации уголовной репрессии находились в центре внимания руководства Советской России с момента Октябрьского переворота. Экстремальная обстановка революционных событий объективно препятствовала процессу создания централизованного аппарата управления местами лишения свободы. Ведомственные места заключения имели НКВД, НКЮ и ВЧК. После окончания гражданской войны и прекращения иностранной военной интервенции в связи с ростом преступности и необходимостью оптимизации структуры исправительных учреждений 25 июля 1922 г. СНК постановил: «Сосредоточить места заключения в одном ведомстве – а именно НКВД», соответственно, 12 октября 1922 г. было учреждено ГУМЗ НКВД [28]. За НКЮ сохранилось лишь право осуществления надзора за содержанием арестованных во всех местах заключения [27]. В ведении ГУМЗ в 1922 г. находилось 330 мест заключения с общим количеством спецконтингента 80559 чел. при лимите в 85531 [29]. В 1923 г. оставшиеся от бывшего ГУПР (созданного в 1919 г.) лагеря были ликвидированы. Но в подчинении ОГПУ вместе с политизоляторами находился Соловецкий лагерь принудительных работ, созданный постановлением СНК СССР от 13 октября 1923 г. [6, с. 29–30]. Численность заключенных в нем выросла с 2557 в IV квартале 1923 г. до 63 тыс. осужденных к 1930 г. [23, с. 16]. Важно отметить, что

авторы в свое время нашумевшего фильма «Власть Соловецкая» [4] умышленно «упустили» из внимания, что в этом учреждении содержались исключительно политические противники Советского государства: шпионы, террористы и диверсанты, политические бандиты и руководители кулацких и националистических формирований, расхитители социалистической собственности и подпольные дельцы, производители наркотиков, белые офицеры, запятнавшие себя кровью рабочих и крестьян, жандармы и профессиональные преступники и т.д. Только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с изменением характера карательной политики государства туда стали направляться иные категории осужденных [5, с. 63–64].

По состоянию на 1924 г. насчитывалось 418 мест заключения, состоящих на местном бюджете. При этом, например, в Витебской губернии – 7 со штатной численностью 924 единицы; в Донской губернии – 4 на 1520 чел.; в Кубано-Черноморской области – 9 на 2114; в Московской губернии – 12, в Ленинградской – 19 на 6185 чел. (из них на «Кресты» лимит составлял 978 чел., на Лужский и Кингисеппский изоляторы – по 84 чел.) [30]. В местах заключения РСФСР в 1924–1925 гг. заключенные распределялись по социальному положению следующим образом:

- крестьяне – 50,9%;
- рабочие – 22%;

- служащие 10,7%;
- красноармейцы – 3,8%;
- безработные – 4,7% и т.д.

Таким образом видно, что процент рабочих и крестьян составлял более 2/3 всех осужденных.

В 1926 г. социальный состав заключенных мало изменился. Так, по данным НКЮ РСФСР, рабочие составляли 14,3%, крестьяне – 55,4%, служащие – 9,2%, безработные – 4,8% [15, с. 99]. Факты свидетельствуют о значительном омоложении преступности во второй половине 1920-х гг. Так, Государственным институтом по изучению преступности и преступника был подготовлен материал, состоящий из данных обработки личных листков заключенных, полученных при Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г., и из более поздних данных разработки личных карточек заключенных за 1927 и половину 1928 г. Из общего числа заключенных в РСФСР было в возрасте:

- 14–15 лет – 0,5%;
- 16–17 лет – 4,8%;
- 18–19 лет – 9,3%;
- 20–24 года – 29,9%;
- 25–9 лет – 20,4% и т.д. в сторону снижения.

То есть, 44% заключенных, находящихся в день переписи в местах заключения, были не старше 24 лет. Не трудно сделать вывод, что в совокупности молодая преступность в возрасте от 14 до 29 лет дает грандиозную цифру – 64,9%. Из общего числа осужденных за то или иное преступление приходится на указанный возраст: за массовые беспорядки и бандитизм – 56,3%; за хулиганство – 58%; за подделку денежных знаков – 48,9%; за половые преступления – 69,3%; за грабежи – 51,4% и т.д. [1, с. 739–740].

5 января 1925 г. НКВД РСФСР А.Г. Белобородовым было утверждено Положение о Всероссийском и Губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобождающимся из них [31], что говорит о зарождении уже в то время института социальной реабилитации и ресоциализации осужденных. Вообще в это время уделяется много внимания улучшению индивиду-

альной работы с заключенными. Очень впечатляет обнаруженный автором в архиве Индивидуальный листок первоначального обследования, заводимый на каждого осужденного, представляющий собой фактически дневник индивидуальной воспитательной работы. Состоял листок из 53 пунктов и общих выводов воспитателя, анкетные вопросы включали в себя установление уровня образования, условий воспитания и профессиональной подготовки вплоть до наличия татуировок, знания жаргона, заболеваний и даже половой сферы. Летом 1925 г. планировалось создание Центрального музея конвойного и исправительно-трудового дела [32].

В тоже время нельзя отрицать и наличие серьезных недостатков в организации пенитенциарного дела. Еще в январе 1921 г. начальником Секретного отдела ВЧК Т.П. Самсоновым была проведена проверка содержания политических заключенных в Лефортовской и Бутырских тюрьмах. По ее результатам в рапорте на имя Ф.Э. Дзержинского и И.К. Ксенофонтова отмечалось: в Лефортово «В камерах: грязь, сырость, вонь, испарения и главное – дым, абсолютно не дающий возможности дышать <...>. Попытки, причиняемые дымом арестованным и охране, – ужасны <...>. Объявляемые здесь голодовки политическими, с требованием перевода в Бутырки, надо считать правильными. Так обращаться дальше с живыми людьми и содержать их в таких условиях нельзя; это преступление». В Бутырской тюрьме все камеры эсеров «открыты, арестованные по-прежнему шмыгают и снуют из камеры в камеру, из коридора на коридор и из корпуса в корпус. Против камер [социалистов]-революционеров, чекистов сидят смертники, камеры у которых были закрыты. Мужчины и женщины по-прежнему разгуливают вместе и пр. <...> Содержать политических в таких разных условиях, и главное в одном и том же городе, нельзя, ибо это обнаруживает полнейшее наше неумение, полнейшее бессилие и бестактность руководства тюрьмами и их обитателями». В сделанных по результатам проверки выводах, в частности, пред-

лагалось «разогнать и отдать под суд администрацию Лефортовской тюрьмы за бесчеловечное содержание арестованных, причиной чего является их бездеятельность и нерадение» и «разогнать администрацию Бутырской тюрьмы за потворство с.-р. и незаконное потворство другим арестованным вообще» [14, с. 36–37]. 1 марта 1925 г. при проверке Красноярского Губисправтрудома было обнаружено, что в канцелярии, в культпросвете и др. подразделениях учреждения работает целый ряд не только политических заключенных, но и тяжких уголовников, осужденных со строгой изоляцией, которые таким образом находятся в привилегированных условиях по сравнению с другими заключенными. В камере смертников содержались следственно арестованные. Администрация ввела в принцип содержать в карцере, чтобы воспрепятствовать досрочному освобождению осужденных [33]. В январе 1927 г. ГУМЗ установило, что в московских местах заключения имели место факты связывания буйствующих заключенных веревками за отсутствием смиренных поясов, предусмотренных ст. 149 ИТК РСФСР. Руководство управления предупреждало, что в случае обнаружения подобных фактов виновные сотрудники будут увольняться со службы. В обзоре ГУМЗ от 16 апреля 1927 г. отмечалось, что заключенные привлекаются к работам, по которым у них нет квалификации, рассматриваются как ученики и в течение первого полугодия денежного вознаграждения не получают [34]. Из приведенных примеров видно насколько скрупулезно и принципиально подходило руководство ГУМЗ к оценке деятельности подчиненных учреждений и соблюдению действующего законодательства.

Нельзя не сказать и о том, что анализ подборки публикаций в печати о местах лишения свободы в 1920-е гг. свидетельствует о большом внимании и помощи общественности исправительно-трудовым учреждениям в деле финансирования, социальной реабилитации и социализации после освобождения из мест заключения [35]. Последнее обстоятельство говорит о том, что в это время стратегическая линия

карательной политики была направлена еще на возможность исправления оступившегося и его воспитания как полноценного строителя нового общества. От надлежащей организации и постановки пенитенциарной практики во многом зависел успех всей советской карательной политики.

По данным сводного отчета о деятельности судов, составленного НКЮ в 1923 г., во втором полугодии 1922 г. процент осужденных за контрреволюционные преступления составлял 0,7, а в первом полугодии 1923 г. он снизился до 0,3 от общего числа осужденных. Изменился и сам состав преступлений, преобладающим стала экономическая контрреволюция. Действительно, если удельный вес явных контрреволюционных посягательств стал падать, то хозяйственные преступления резко возросли. По данным того же отчета НКЮ, эта категория преступлений возросла с 7,3% во втором полугодии 1922 г. до 32,4% в первом полугодии 1923 г. Такой бурный рост хозяйственных преступлений, конечно же, был не случаен и объясняется, в первую очередь, тем, что именно в 1922–1923 гг. начинается перестройка экономики на новые условия хозяйствования на основе хозрасчета [13, с. 84–85]. Эти данные коррелируют с результатами, полученными другими исследователями.

Так, по данным А. Эстрина, за контрреволюционные преступления в 1923 г. было осуждено 116 чел., в 1924 г. – 1354, в 1925 – 898, а в 1926 г. – 517. За хозяйственные преступления: в 1923 г. – 141353, в 1924 г. – 261170. За имущественные преступления: в 1923 г. – 81692, в 1924 г. – 109892, в 1925 г. – 126437, в 1926 г. – 127911. За преступления против личности: в 1923 г. – 51618, в 1924 г. – 92113, в 1925 г. – 119811, в 1926 г. – 187473. За должностные преступления: в 1923 г. – 19618, в 1924 г. – 22170, в 1925 г. – 28704, в 1926 г. – 32325 [25, с. 102]. Таким образом, видно, что контрреволюционные преступления имеют тенденцию к снижению, но наблюдался рост преступлений против личности, имущества, а также рост числа осужденных за должностные пре-

ступления (что свидетельствует о формировании новой бюрократии). Причинами преступности можно назвать: во-первых, широкую миграцию населения, особенно сельского в связи с классовым расслоением деревни; во-вторых, городская безработица; в-третьих, жилищная неустроенность; в-четвертых, низкий уровень благосостояния трудящихся.

В структуре преступности, исходя из анализа, проведенного А.А. Пионтовским, имущественные преступления за период 1922–1926 гг. составили 39,1%. Причем их увеличение наблюдается к 1927 г. Преступления против личности за тот же период времени составляли 16,3% со стабильным увеличением опять же к 1927 г. Развитие алкоголизма в годы НЭПа, перестройка старого быта, отсутствие еще прочных новых норм поведения вызвало рост половых преступлений, устойчивое увеличение которых фиксируется в 1926–1927 гг. [15, с. 95–97]. Правда, принимаемые меры, в том числе и репрессивного характера, позволили добиться позитивных результатов: были сделаны первые шаги по искоренению профессиональной преступности, сократилось число преступных посягательств на личность. Например, во Владимире в 1926 г. по сравнению с 1925 г. число убийств снизилось на 26%, бандитских налетов – на 64%, ограблений – на 36%, краж – на 23%. Повышался уровень раскрываемости наиболее опасных преступлений. По данным МУРа, в 1921 г. он составлял 57%, в 1922 г. – 55%, в 1924 г. – 60%, а в 1925 г. – 68% [3, с. 15].

За 1 квартал 1922 г. в Петрограде и губернии было зафиксировано 9186 преступлений (коэффициент преступности на 1000 чел. составил 5,74), в Саратовской губернии – 7018 (соответственно, 2,62), в Иркутской – 4602 (4,99), в Самарской губернии – 3585 (1,27) [36]. В 1923 г. в РСФСР грабежи и разбои составили 7247, но только за третий квартал 1924 г. показатель достиг 4021. Кражи за то же время составили, соответственно, 152793 и 98011 [37]. Общее число знаковых преступлений в РСФСР по данным милиции (без учета Дальневосточного региона и авто-

номных республик) составило: кражи – в 1921 г. – 62540; в 1922 г. – 225547; в 1923 г. – 141284; в 1924 г. – 171857; за 1 квартал 1925 г. – 56671. Проявление бандитизма (или деяний, квалифицированных как бандитизм, о чем мы говорили выше) составило: в IV квартале 1921 г. – 447; в 1922 г. – 1648; в 1923 – 2806; в 1924 – 209; а за 1 квартал 1925 г. – 421 [38]. При этом поквартальный анализ показывает, что максима криминальной активности приходилась на II–III кварталы года. Даже в сентябре 1928 г. в Ростовской области действовала банда Козлова, имеющая политическую окраску. Сам Козлов был бывшим белым офицером, в состав банды входили также его сын и дочь. Группа занималась грабежами проезжающих крестьян [39].

Репрессивная политика в период 1923–1928 гг. наглядно может быть проиллюстрирована следующими данными:

- из 100% осужденных в 1923 и в 1924 гг. было приговорено к расстрелу по 0,2%; в 1925–1927 гг. – 0,1%, в 1928 г. – 0,03%;

- к лишению свободы:

- в 1923 г. – 21,7%; в 1924 г. – 16,2%; в 1925 г. – 30,4%; в 1926 г. – 39,4%; в 1927 г. – 35,8%; в 1928 г. – 31,2%;

- к условному лишению свободы: в 1923 г. – 10,3%; в 1924 г. – 13,6%; в 1925 г. – 21,4%; в 1926 г. – 14,2%; в 1927 г. – 7,7%; в 1928 г. – 7,3%;

- к принудительным работам: в 1923 г. – 24,2%; в 1924 г. – 13,8%; в 1925 г. – 16,2%; в 196 г. – 14%; в 1927 г. – 18%; в 1928 г. – 22% [26, с. 36].

Приведенные цифры свидетельствуют о достаточно «мягкой» репрессивной политике государства с преобладанием ставки на воспитательный характер кары. Доминирующим видом наказания, как мы видим, выступает лишение свободы.

По УК РСФСР, как и по уголовным кодексам союзных республик, лишение свободы являлось господствующей формой социальной защиты судебно-исправительного характера. УК 1922 г. первоначально установил срок лишения свободы от 6 месяцев до 10 лет. Этим он устранил присущее советской судебной практике

краткосрочное лишение свободы. Мотивы такого решения были обусловлены тем, что краткосрочное лишение свободы ввиду непродолжительности пребывания в местах заключения неспособно оказать на осужденного желаемого исправительного воздействия. Поэтому уже в 1923 г. на второй сессии ВЦИК X созыва было внесено существенное изменение сроков: лишение свободы было установлено на срок от 1 месяца до 10 лет. На второй сессии ВЦИК XI созыва в 1924 г. лишение свободы было установлено на срок от 7 дней до 10 лет. Наконец, редакция УК 1926 г. установила лишение свободы на срок от 1 дня до 10 лет. Внесенные изменения аргументировались тем, что трудно организовать принудительные работы без содержания под стражей, а также тем, что краткосрочное лишение свободы, не будучи способным оказать исправительно-трудовое воздействие на осужденного, является пригодным средством осуществления как задач общего предупреждения в борьбе с рядом преступлений, так и специального предупреждения в борьбе с отдельными преступлениями.

Понижение сроков лишения свободы оказало двоякое влияние на советскую судебную практику. С одной стороны, систематически возрастало число приговоров к лишению свободы, с другой – возрастал процент осужденных к краткосрочному лишению свободы. По данным А.А. Пионтковского, из каждых 100% приговоренных к лишению свободы, приговаривались на короткие сроки:

- до 6 месяцев:

в 1924 г. – 40,8%, в 1925 г. – 55,9%, а в 1926 г. – 71%;

- от 6 месяцев до 1 года:

в 1923 г. – 55,3%, в 1924 г. – 25,4%, в 1925 г. – 18,2%, а в 1926 г. – 14% и т.д. [15, с. 188].

Столь широкое применение краткосрочного лишения свободы логически привело к перегрузке мест лишения свободы и создало своеобразный кризис карательной политики. Во-первых, срывалась возможность целесообразной организации исправительно-трудовой системы СССР и, во-вторых, увеличивались расхо-

ды из средств государственного бюджета. Поэтому уже в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [8, с. 417–419] (будет подробно рассмотрено ниже) содержались критические оценки такого состояния дел. НКЮ в развитие этого постановления циркуляром от 20 августа 1928 г. [9] предложил судам лишь в случаях крайней необходимости «прибегать к кратким срокам лишения свободы».

Обращает на себя внимание и отсутствие в УК 1926 г. норм, регулирующих исправительно-трудовую сферу. Последнее обстоятельство, несомненно, связано с принятием в 1924 г. первого ИТК РСФСР [20, с. 182–193]. Этот закон представлял собой кодифицированный законодательный акт, регулирующий порядок и условия исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей, а также деятельность всех мест лишения свободы. В ст. 3 указываются цели создания исправительно-трудовых учреждений:

1) для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы;

2) для предотвращения совершения дальнейших преступлений.

Содержание в ИТУ не должно иметь цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства (ст. 6). В связи с этим представляют интерес и положения ст. 49, согласно которым «режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку». По мнению Л.П. Рассказова и И.В. Упорова, содержание этой нормы вполне соответствовало передовым пенитенциарным взглядам того времени, впоследствии включенным в Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [19, с. 258].

Как видно из отчета ГУМЗ, представ-

ленного XI Съезду Советов, к началу 1924 г. была проделана большая организационная работа, выразившаяся в основной перегруппировке мест заключения: концентрационные лагеря были ликвидированы, арестные дома преобразованы в дома предварительного или краткосрочного заключения и т.д. Кодекс 1924 г. называл восемь типов мест заключения:

- дома предварительного заключения (для лиц, состоящих под следствием);
- дома краткосрочного заключения (для лишенных свободы на срок не свыше 6 месяцев);
- исправительно-трудовые дома (для осужденных на срок свыше 6 месяцев);
- трудовые колонии: сельскохозяйственные, ремесленные, фабричные (для приговоренных к лишению свободы без строгой изоляции до 5 лет. Здесь, кстати, находил свое прямое воплощение принцип классовости: для помещения в эти колонии, среди прочих, условием была принадлежность к классу трудящихся);
- изоляторы специального назначения (для осужденных к строгой изоляции);
- переходные исправительно-трудовые дома (для лиц, твердо вставших на путь исправления);
- трудовые дома для несовершеннолетних;
- учреждения для больных заключенных: больницы, убежища для туберкулезных, институт психиатрической экспертизы.

Правда, ИТК 1924 г., по мнению Б.С. Утевского, страдал рядом недостатков, значительно снижавших его значение и дававших поводы для различных искривлений исправительно-трудовой политики. В 1931 г. государственным институтом по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики была дана общая характеристика недостатков ИТК. В частности, указывалось, что при построении исправительно-трудовой практики необходимо исходить из четкого разграничения между мерами изоляции в отношении классовых врагов, принудительно-воспитательного воздействия в отношении заключенных из среды трудящихся и деклассирования профессионалов-рецидивистов.

Для ИТК 1924 г. классовая борьба как бы прекращается в момент вынесения приговора [24, с. 89].

Таким образом, можно сделать весьма определенный вывод о том, что уголовное законодательство периода НЭПа в виде УК 1922 и 1926 гг. весьма подробно регулировало институт наказания. При этом идеологический аспект отражался в меньшей степени, нежели в законодательстве первого периода существования Советской власти [11, с. 64]. Тем не менее, присутствует продолжение карательной политики советского государства, которое направлено на оперативное пресечение государственных преступлений и одновременно – на развитие мер, которые предусматривают воспитательное воздействие.

После принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» были в целом изменены концептуальные основы карательной политики государства. В частности, в области исправительно-трудовой политики НКВД ставились задачи:

- ограничить льготы (зачет рабочих дней, предоставление отпусков, переводов в разряды) классово-чуждым элементам и социально-опасным преступникам, профессионалам-рецидивистам;
- устранить полностью совместное заключение социально-опасных элементов, с одной стороны, и случайных преступников – с другой;
- расширить компетенцию начальников мест заключения в области их полномочий по поддержанию соответствующего режима в местах заключения, сохранив за наблюдательными комиссиями функции наблюдения и общественного контроля;
- обратить особое внимание при постановке культурно-просветительной работы в местах заключения на впавшую в преступление рабоче-крестьянскую молодежь.

Признавалась нецелесообразной постройка новых мест заключения, планировалось расширение емкости трудовых колоний – сельскохозяйственных, ремеслен-

ных и фабричных, для чего предлагалось НКВД совместно с ВСНХ разработать проект постановления о предоставлении местам заключения права на бесплатное или льготное получение от государственных учреждений бездействующих или нуждающихся в крупном ремонте и оборудовании предприятий. В целях использования принудительных работ как средства уголовной репрессии НКЮ и НКВД предлагалось разработать проект изменения законодательства о принудительных работах на началах: а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организуемыми для безработных органами Народного Комиссариата Труда. Платность допускалась только для лиц, отбывающих принудительные работы по месту службы или каждый раз по особому определению суда для лиц, не имеющих вовсе никаких средств к существованию; однако, и для этих случаев размер платы не должен был превышать госминимума данной местности. НКЮ, НКВД и Уполномоченному ОГПУ при СНК РСФСР рекомендовалось выработать и внести на утверждение законодательных органов в РСФСР проекты постановлений, регулирующих порядок отбывания ссылки, прекратив, в виду ее явной нецелесообразности, практикуемую высылку социально-опасных элементов из пределов данной местности, сводящуюся к обмену различных регионов этими элементами.

Без сомнения, отсутствие в постановлении четко определенных понятий «классово чуждых» элементов, «деклассированных преступников-профессионалов» открывало широкие возможности для произвольного отнесения к таковым различных категорий преступников в процессе осуществления карательной политики. Тем более что социальная база для деклассирования трудящихся в стране была довольно обширная. В 1928 г. биржи труда зафиксировали в стране 1365000 безработных, в 1929 году – 1242000 чел. [16].

Продолжением политики «нового»

курса» стало и постановление ЦИК и СНК РСФСР от 6 ноября 1929 г. «Об изменении ст. 13, 16, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [21], установившее новую систему уголовных наказаний. В соответствии со ст.18 Основных начал срок лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР устанавливался от 3 до 10 лет; в общих местах заключения – до 3 лет. Постановление делило на два вида места лишения свободы (исправительно-трудовые лагеря и исправительно-трудовые колонии). В первых в отдаленных местностях СССР отбывали наказание осужденные на срок от 3 до 10 лет или осужденные особым постановлением ОГПУ. В исправительно-трудовых колониях отбывали наказание осужденные на срок до 3 лет. С этого момента регулирование порядка отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях стало прерогативой центральных государственных органов, а исправительно-трудовых колоний – республиканских органов [18, с. 227]. Из докладной записки начальника административно-пенитенциарного отдела Башкирской АССР от 19 июня 1928 г. известно о существовании практики отбывания наказания в колониях для несовершеннолетних лицами в возрасте 14 лет, подведомственных Народному комиссариату просвещения [40].

Как отмечает профессор М.Г. Детков, объективности ради следует заметить, что изменение карательной политики государства с усилением ее репрессивной стороны осуществлялось в борьбе различных противоречивых взглядов и позиций в сфере правоохранительной деятельности [7, с. 10]. Это подтверждает анализ содержания ряда нормативных актов, регламентирующих порядок и условия исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Примером служит постановление ВЦИК и СНК от 20 марта 1930 г. по докладу НКВД РСФСР о состоянии производственной и культурно-просветительной работы в местах заключения и об организации принудительных работ без содержания под стражей. При-

нятие этого постановления свидетельствует о том, что государство стремилось создать необходимые условия для организации труда заключенных с учетом их профессиональной трудовой квалификации, обучения их специальностям, укрепления материальной базы культурно-просветительной работы.

По состоянию на 1 января 1930 г. только в ГУМЗе содержалось 173867 заключенных [41]. 7 апреля 1930 г. постановлением СНК СССР было утверждено Положение об исправительно-трудовых лагерях. Оно содержало целый ряд достаточно гуманных положений. В частности, для осужденных, переведенных на льготный и облегченный режим, допускались работы на «вольных» предприятиях, промыслах, учреждениях, проживание в общежитиях, прикрепленных к предприятиям, выходы за пределы исправительно-трудовых лагерей [20, с. 320–323]. В 1930-е гг. при Прокуратуре СССР, Верховном Суде СССР и НКЮ РСФСР стал функционировать даже специальный Государственный институт по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики. В связи с упразднением НКВД союзных и автономных республик постановлением Президиума ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. ОГПУ стало осуществлять руководство деятельностью милиции и уголовного розыска [42].

К 1 мая 1930 г. в ИТУ НКВД РСФСР содержалось 171251 чел. Всего было 176 территориальных домов заключения, 24 лесозаготовительных колоний, 14 фабрично-трудовых, 24 сельскохозяйственных и 18 других колоний [10, с. 315]. В 1931 г. на совещании работников органов юстиции РСФСР исправительно-трудовая политика НКВД была подвергнута критике за ее либерализм, который не соответствовал периоду обострения классовой борьбы и увеличению в местах лишения свободы классово чуждых элементов. Если в 1929 г. их количество не превышало 3–4%, то уже в 1931 г. он вырос до 35% [1, с. 23–26]. Этому предшествовало упразднение НКВД союзных и автономных республик и передача общих мест заключения в ведение НКЮ союзных респуб-

лик. Подводя в 1932 г. итоги пятнадцатилетнего периода советской исправительно-трудовой политики, начальник ГУИТУ И.А. Апетер писал: «Путь от тюрем к воспитательным учреждениям еще не пройден до конца. Еще много надо сделать для того, чтобы осуществить директивы и программу нашей партии по этому вопросу. Не пройден еще и путь классовой борьбы. Места лишения свободы наряду с задачей принудительного воспитания служат еще задаче классового подавления и являются одним из боевых органов пролетарской диктатуры [2, с. 18–20]. Видимо, поэтому в апреле 1932 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и заместитель прокурора Верховного суда СССР Катаньян утвердили «Положение об особых правах начальника ГУЛАГа тов. Когана Л.И. и помощника начальника ГУЛАГа тов. Рапопорта Я.Д. на строительстве Беломоро-Балтийского водного пути, выполняемого силами заключенных». В соответствии с Положением им предоставлялось право в административном порядке единолично увеличивать срок заключения в лагерях лицам, нарушающим установленный порядок и дисциплину. Перечень включал 15 конкретных нарушений. Вместе с тем допускалось применение такой меры и за иные проступки. Важно подчеркнуть, что решение об увеличении срока заключения обжалованию не подлежало [12, с. 90–91], что создавало условия для произвола административного усмотрения. Стоит заметить, что возможность формирования советского Северного флота появилась после того, как этот канал был введен в эксплуатацию. Именно по нему первые корабли были переброшены из Балтики на Север по внутреннему водному пути, учитывая, что выход из Балтийского моря в Атлантический океан через узкие проливы Скагеррак и Каттегат контролировался английским, а позже немецким флотом.

В этих условиях 1 августа 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК был утвержден новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. [20, с. 366–378], где нашли отражение изменения в государственной пенитенциарной политике и, пре-

жде всего, был ярко выражен классовый подход, что соответствовало тезису об обострении форм классовой борьбы в нашей стране. Уже в ст. 1 кодекса указывалось, что «задачей уголовной политики пролетариата на переходный от капитализма к коммунизму период является защита диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся». Соответственно этому исправительно-трудовая политика преследовала цели: а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству; б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепольные цели и организации этого труда на началах постоянного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе исправления и ударничества [20, с. 368]. Существенной новеллой ИТК РСФСР 1933 г. является положение о том, что «в местах лишения свободы организуются предприятия индустриального типа, причем оборудование их, сырье и транспортные средства предоставляются в общем централизованном порядке»; обосновывалось это тем, что организация труда лишенных свободы «должна содействовать сохранению и повышению их квалификации и получению квалификации не имеющими ее» (ст. 70).

Однако здесь важно подчеркнуть следующие обстоятельства, которые значительно снижают роль этого закона. Прежде всего, кодекс регулировал лишь часть системы исполнения отбывания лишения свободы как наказания, а именно связанную с исправительно-трудовыми колониями, или общими местами заключения, подведомственными НКЮ. Напомним, что во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 г. было организовано и действовало Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ

[22]. Параллельно действовала система ИТЛ, подведомственная НКВД РСФСР, но с упразднением последнего в декабре 1930 г. ГУЛАГ стал единственным органом организации исполнения уголовных наказаний, что в значительной степени способствовало централизации управления и эффективности выполнения стоящих перед ним, прежде всего, экономических задач. В июле 1934 года произошло коренное изменение структуры управления местами лишения свободы: был образован общесоюзный Наркомат внутренних дел, в состав которого вошли ОГПУ с его Главным управлением лагерей и трудовых поселений [20, с. 368].

Таким образом, к середине 1930-х гг. была окончательно сформирована модель эффективной в экономическом отношении системы исполнения уголовных наказаний, разработаны основные нормативные положения, посредством которых осуществлялось всестороннее унифицированное регулирование ее деятельности, тем самым была пресечена практикуемая ранее многоведомственная подчиненность мест лишения свободы. Одновременно продолжился процесс динамичного совершенствования уголовного законодательства, внесенные в него новеллы не только устанавливали новые составы преступлений, повышали уголовную ответственность за уже существующие, но и свидетельствовали об отказе законодателя от термина «меры социальной защиты», возвратившись к понятию уголовного наказания как кары за совершенное преступление. Последнее позволило подготовить условия для реализации в дальнейшем положений классической школы уголовного права в советском законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анетер И.А.* Пенитенциарная политика и основные типы исправительных учреждений. Основные принципы исправительно-трудовой политики НКЮ и типы мест лишения свободы и органов исправительно-трудовых работ без содержания под стражей // Советская юстиция. 1931. № 18.
2. *Анетер И.* 15 лет советской исправительно-трудовой политики // Советская юс-

тиция. 1932. № 33.

3. *Быструкова Н.И.* Деятельность советской милиции по защите личности и имущественных прав граждан в период построения основ социализма (1917–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981.

4. Власть Соловецкая. Свидетельства и документы (1988 г., реж. М.Е. Голдовская).

5. В 1939 г. тюрьма на о. Соловки была закрыта, а отбывавшие наказание этапированы во Владимирскую и Орловскую тюрьмы (Кузьмин С. СЛОН: истине вопреки // На боевом посту. 1990.

6. ГУЛАГ. Главное управление лагерей 1918–1960. М., 2000.

7. *Детков М.Г.* Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово, 1992.

8. Ежедневник Советской юстиции. 1928. 16 апреля. № 14.

9. Ежедневник советской юстиции. 1928. № 33.

10. *Ильинский М.М.* Нарком Ягода. М., 2002.

11. *Карасева М.Ю.* Институт наказания в кодифицированном уголовном законодательстве Советского государства довоенного периода. Краснодар, 2000.

12. *Кузьмин С.И.* Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1991.

13. *Курицын В.М.* Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972.

14. Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1.

15. *Пионтковский А.* Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. М.–Л., 1929.

16. Попав под сокращение // Правда. 1988. 21 января.

17. Рабочий суд. 1929. № 10/11.

18. *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.

19. *Рассказов Л.П., Упоров И.В.* Лишение свободы в России. Истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999.

20. Сборник документов по истории

уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953.

21. СЗ РСФСР. 1929. № 72. Ст. 686.

22. СУ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

23. Система ИТЛ в СССР. 1923–1960. М., 1998.

24. *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934.

25. *Эстрин А.* Десять лет советской уголовной политики // Революция права. 1927. № 4.

26. *Эстрин А.А.* Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931.

27. Архив ГУВД СПб ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 309 об.

28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1а. Л. 336.

29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.

30. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 84. Л. 1–5. (подсчет авторский).

31. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 26. Л. 9–12.

32. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 26. Л. 40–44, 136.

33. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.

34. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 28.

35. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 466.

36. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 38. Д. 12. Л. 27–28.

37. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 59. Д. 13. Л. 67–68.

38. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 73. Д. 16. Л. 47 (подсчет авторский).

39. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 102. Л. 277.

40. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 454. Л. 5.

41. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 84. Д. 104. Л. 78.

42. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 539. Л. 71–72.